

**Воспоминания о войне 1812 года
Николая Евстафьевича
Митаревского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В77

В77 Воспоминания о войне 1812 года Николая Евстафьевича Митаревского / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 183 с.

ISBN 978-5-519-96796-9

Нашествие неприятеля на Россию. Рассказы об Отечественной войне 1812 года

ISBN 978-5-519-96796-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Слухи о войнѣ съ французами. Квартіры около Лудка до передвиженія къ Волковыску.

Съ первыхъ чиселъ января мѣсяца 1812 года начали говорить явно о войнѣ съ французами и что Наполеонъ со всей почти Европой собирается разгромить Россію. Еще съ прошлаго года посились уже слухи о несогласіи съ Наполеономъ.

Въ 1810 году произведенъ я въ офицеры 23-й артиллерійской бригады, въ легкую роту, находившуюся въ Нижне-Уральскѣ. Даже тамъ, въ глуши, говорили о войнѣ, особенно когда, въ началѣ 1811 года, изъ артиллерійскаго департамента получено было повелѣніе отправить офицеровъ изъ разныхъ ротъ на уральскіе желѣзные заводы для принятія артиллерійскихъ снарядовъ. Изъ нашей роты назначены были: штабсъ-капитанъ—на казенные Гороблагодатскіе, подпоручикъ—на какіе-то частные, а на мою долю достались Нижне-Тагильскіе, Демидовскіе заводы.

Рота между тѣмъ получила предписаніе въ началѣ апрѣля мѣсяца 1811 года выступить въ походъ изъ Уральска въ мѣстечко Полонное, Минской губерніи. Такъ какъ ротный командиръ остался только съ однимъ поручикомъ, то онъ просилъ о присылкѣ къ нему офицеровъ. По атому случаю въ сентябрѣ мѣсяцѣ на заводы пріѣхали офицеры изъ другихъ ротъ смѣнить меня и товарища моего, подпоручика, а намъ приказано было отправиться въ роту, чему я чрезъ

вычайно обрадовался. Хотя я имѣлъ хорошую квартиру и получалъ содержаніе отъ завода, но очень тамъ скучалъ.

Рота была переименована въ 12-ю легкую 7-й артиллерійской бригады и поступила въ составъ 6-го корпуса генерала Дохтурова, въ 7-ю дивизію генерала Канцевича. Орудій въ ротѣ прежде было: четыре единорога четверть-пудоваго калибра и восемь трехъ-фунтовыхъ пушекъ. На походѣ измѣненъ былъ маршрутъ и ротѣ назначено было идти чрезъ Кіевъ въ городъ Луцкъ. Въ Кіевѣ перемѣнены были трехъ-фунтовыя пушки на шести-фунтовыя старыя, съ дельфинами, въ родѣ какихъ-то птичьихъ головъ съ носами. Въ ротѣ, кромѣ ротнаго командира, по случаю повышенія въ артиллеріи чиновъ, переименованнаго изъ маіоровъ въ подполковники, я засталъ поручика, прежде меня прибывшаго съ заводовъ и, по случаю исправленія нашимъ ротнымъ командиромъ должности бригаднаго, его адъютанта. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда прибылъ къ намъ въ роту еще одинъ подпоручикъ, молодой, красивый и видный собой. Отецъ его былъ англичанинъ, служилъ въ Россіи генераломъ и, кажется, имѣлъ хорошее мѣсто, что видно было изъ привезенныхъ его сыномъ вещей — серебряныхъ столовыхъ и чайныхъ приборовъ, разныхъ шкатулокъ, постели, бѣлья и проч. Всего у него было такъ много, какъ тогда и у многихъ генераловъ не было. Человѣкъ у него былъ свой собственный, музыкантъ изъ отцовскаго оркестра; самъ же офицеръ былъ изъ числа такихъ, о которыхъ говорится: «въ семьѣ не безъ урода».

Изъ военныхъ приготовленій очевидно стало, что мы готовимся къ большой войнѣ и именно съ французами. Перебрали и забраковали довольно много лошадей и отпустили деньги для покупки годныхъ. Приказано было обратить особенное вниманіе на прочность конской амуниціи и обмундировку людей.

Рота наша расположена была въ двадцати верстахъ отъ

города Луцка, въ большомъ селеніи и прилегавшихъ къ нему деревняхъ. Селеніе принадлежало богатому помѣщику, бывшему тогда въ званіи дворянскаго уѣзднаго маршалка. Всякій воскресный день и въ праздники онъ приглашалъ къ себѣ обѣдать подполковника съ офицерами. Сосѣдніе дворяне, послѣ службы въ костелѣ, пріѣзжали къ нему съ поклономъ и оставались обѣдать. Мы, пріѣхавши, заставляли въ залѣ достаточное число нановъ, молодыхъ—во фракахъ, а пожилыхъ — въ старинныхъ польскихъ нарядахъ—кунтушахъ, съ богатыми широкими поясами, подстриженныхъ въ кружокъ и съ усами. Они были къ намъ не слишкомъ благосклонны; особенно одинъ, уже пожилой, въ богатомъ польскомъ нарядѣ, смотрѣлъ такъ надменно, что мы отъ души его ненавидѣли, хотя онъ намъ не только ничего не сдѣлалъ, но даже и не говорилъ съ нами. Чрезъ нѣсколько времени выходилъ самъ ясновельможный маршалокъ въ полупольскомъ нарядѣ. Это былъ пожилой, невзрачный, сгорбленный человѣчекъ, по наружности довольно смирный, но послѣ слышали мы, что онъ былъ въ перепискѣ съ непріятелями, а потомъ бѣжалъ за границу. Польская инляхта привѣтствовала его низкими поклонами; мы тоже кланялись. По окончаніи привѣтствій, онъ приглашалъ насъ въ гостиную. Тамъ на диванѣ сидѣла пани маршалкова, весьма полная особа, съ дочерью невѣстою. Паны съ униженными поклонами, приговаривая: «падамъ до ногъ», цѣловали ей руку; мы тоже прикладывались, начиная со старшаго. Подносили водку съ маленькими кусочками хлѣба и просили къ обѣдѣ. Садилось за столъ отъ тридцати до сорока человѣкъ. Въ богатыхъ приборахъ подавали супъ и разносили другія кушанья, но всѣ въ такихъ малѣнькихъ порціяхъ и до того рассчитанныхъ, что еслибы кто-нибудь взялъ два кусочка, то другимъ бы не достало ничего; мы были довольно совѣстливы — лишняго не брали. за то вставали изъ за стола

всегда полуголодными. Послѣ обѣда подносили по полчашкѣ кофе, и мы уѣзжали. Никто еще изъ насъ не былъ въ Польшѣ. Чванство поляковъ показалось намъ слишкомъ смѣшнымъ, а обычаи—очень оригинальными.

Въ концѣ декабря я ѣздилъ въ Кіевъ за жалованьемъ и по другимъ порученіямъ. Жалованья подпоручики артиллеріи по тогдашнему окладу получали въ треть, на ассигнаціи, 93 рубля съ копѣйками. По случаю ожиданія войны и вслѣдствіе разныхъ смутныхъ обстоятельствъ курсъ ассигнацій до того упалъ, что за сто рублей давали серебромъ 17, много 18 рублей; покупали же все на серебро. Ротные артиллерійскіе командиры на продовольствіе лошадей получали деньги ассигнаціями; при переводѣ ихъ на серебро и при покупкѣ фуража, они получали значительныя выгоды. Большая часть ротныхъ командировъ держали отъ себя для офицеровъ столъ, а нѣкоторые помогали и въ обмундировкѣ, чего даже высшее артиллерійское начальство, зная выгоды ротныхъ командировъ и нужду офицеровъ, требовало отъ нихъ стороной. Мы съ своимъ ротнымъ командиромъ не слишкомъ ладили и не хотѣли ходить къ нему обѣдать, а потому можно судить, какъ мы нуждались и какъ бѣдно жили. Трое изъ насъ: поручикъ, подпоручикъ и я жили на одной квартирѣ. Мы были люди небогатые, жили дружно и все было у насъ общее.

Въ февралѣ 1812 года послали меня въ Смоленскъ для принятія изъ тамошней комиссаріатской комиссіи по третьей парѣ сапогъ на человѣка и другихъ амуниционныхъ вещей для бригады. Приѣхалъ я въ Смоленскъ на сырной педѣлѣ; квартиру мнѣ отвели на Петербургскомъ предмѣстьи, въ домѣ зажиточнаго купца, добраго и довольно образованнаго человѣка, у котораго было большое семейство. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Здѣсь я видѣлъ семейную простоту и довольство. Этотъ случай заставилъ меня сравнить вель-

можное посольское чванство съ радушіемъ простаго русскаго человѣка. Послѣ, когда армія собралась у Смоленска, я заходилъ къ нему и всѣхъ нашелъ въ страшной суетѣ и тревогѣ. Жаль мнѣ было смотрѣть на этихъ добрыхъ людей.

Принявши вещи, я отправилъ ихъ уже великимъ-постомъ съ извозчиками, нанятыми комиссіей, на пяти возахъ. Зимняя дорога начинала портиться и ожидали большой распутицы. Съ вещами отправилъ я бывшаго при мнѣ солдата, а самъ, имѣя подорожную, ѣхалъ впереди; не желая бросить обозъ, отстававшій отъ меня по причинѣ день-отодня портившейся дороги, я часто останавливался поджидать его. Проѣхавши Минскъ, я узналъ о передвиженіи войскъ. Предполагая, что и наша рота можетъ быть въ походѣ, я всѣчески старался собирать справки, но ничего не могъ узнать: изъ роты тоже не имѣлъ увѣдомленія. Приближаясь къ Луцку, встрѣчалъ уже разные полки и команды на походѣ. Это меня сильно беспокоило, тѣмъ болѣе, что дороги сдѣлались чрезвычайно дурны, лошади въ моемъ обозѣ начали замѣтно приуσταвать и я уже не покидалъ его. Верстъ за сто отъ Луцка, не помню въ какомъ мѣстечкѣ, я остановился. Тамъ стоялъ кавалерійскій полкъ и квартировалъ генералъ. Пошелъ я къ нему; это было на страстной недѣлѣ въ пятницу. Генералъ меня принялъ благосклонно и пригласилъ къ себѣ обѣдать, но сказалъ, что вся армія въ передвиженіи, что онъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ теперь должна быть наша рота, и совѣтовалъ ѣхать въ Луцкъ. Этотъ совѣтъ въ послѣдствіи надѣлалъ мнѣ много хлопотъ; я проѣзжалъ только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ новыхъ квартиръ нашей роты, и еслибы узналъ объ этомъ своевременно, то избѣжалъ бы множества непріятностей. Нашъ ротный командиръ былъ командированъ для осмотра артиллерійскихъ парковъ; за нѣсколько дней предъ проѣздомъ моимъ чрезъ Несвижъ, онъ былъ тамъ, но я не могъ этого узнать. Съ ротою находился поручикъ;

онъ писалъ ко мнѣ еще въ Смоленскъ о передвиженіи, но я не получилъ его увѣдомленія.

По пріѣздѣ въ Луцкъ, обратился я къ полицеймейстеру съ просьбою о квартирѣ и рассказалъ ему, какимъ образомъ прибылъ. Такъ какъ прежде мы стояли отъ Луцка верстахъ въ двадцати, то я часто бывалъ тамъ и былъ знакомъ съ полицеймейстеромъ. Это былъ отставной раненый кавалерійскій маіоръ и прекрасный человѣкъ. «Ахъ, батюшка мой», сказалъ онъ мнѣ, «не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать и гдѣ васъ помѣстить. Вы не можете себѣ представить, что у насъ за суматоха... Всѣ дома заняты и нѣтъ уголка свободнаго. Тутъ князь Багратіонъ со всѣмъ своимъ штабомъ... вся армія собралась около Луцка... Давай квартиры, строй печи для заготовленія сухарей, давай дрова, давай подводы и все на свѣтъ. Мнѣ приходится просто хоть въ рѣку броситься... Когда я сказалъ князю, что невозможно выполнить такихъ требованій, то онъ закричалъ: «Знать ничего не хочу... Чтобъ было, не то — повѣшу».—Меня повѣсить!.. Повѣсить стараго служаку!.. Я самъ служилъ моему Государю... кровь свою проливалъ...» И добрякъ полицеймейстеръ до того разгорячился, что, скинувъ сюртукъ и разстегнувъ рубашку, сказалъ: «Вотъ посмотрите мои раны!»—Въ самомъ дѣлѣ, плечо и рука были у него порядочно поранены. Тутъ обратился онъ къ стоявшему квартальному, чтобы нашелъ мнѣ квартиру. Когда тотъ сказалъ, что рѣшительно не знаетъ, куда меня помѣстить, то онъ обратился къ нему: «Пожалуйста, помѣстите гдѣ-нибудь. Не почевать же господину офицеру на улицѣ, въ грязи!» Долго я ходилъ съ квартальнымъ по улицамъ: грязь была страшная. Всѣ квартиры были заняты генералами, адъютантами, чиновниками штаба и разными офицерами; солдатъ въ простыхъ хатахъ стояло человѣкъ по десяти и болѣе. Наконецъ нашли мнѣ квартиру. Въ передней большой комнатѣ помѣщалось человѣкъ десять пѣхотныхъ солдатъ; при этой

комнатъ былъ чуланчикъ, грязный-прегрязный, заваленный жидовскимъ хламомъ такъ, что чуть-чуть оставалось свободное мѣсто; меня туда помѣстили, но я и этому обрадовался, потому что было уже поздно вечеромъ.

На другой день явился я къ артиллерійскому генералу. Квартиру онъ занималъ въ какой-то корчмѣ. Прямо вошелъ я въ большую комнату. Тамъ находился генералъ, его адъютантъ. иѣсколько офицеровъ и двѣ дамы, одна молодая, другая постарше; послѣ узналъ я, что это были жена и дочь генерала; тутъ же готовили и завтракъ. Началъ я объяснять свое положеніе. Съ первыхъ же словъ генералъ нахмурился; не успѣлъ я кончить, какъ онъ закричалъ: «Какой же тебя чортъ занесъ сюда?.. Почему ты не справлялся по дорогѣ?..» Когда я сказалъ, что, замѣтивъ передвиженіе войскъ, справлялся и что даже кавалерійскій генералъ, къ которому я заходилъ, не могъ сказать ничего, а совѣтовалъ ѣхать въ Луцкъ, то онъ опять закричалъ: «Ты еще вздумалъ оправдываться!.. Ты видно по дорогѣ спалъ, да билъ баклуши? Рота твоя находится около Волковыска,—ступай туда!»—Ваше превосходительство, говорю, извозчики напята комиссіей до Лунка и дальше не поѣдутъ; да и лошади у нихъ такъ устали, что едва дотащились сюда. Тутъ генералъ вышелъ изъ себя, кричалъ и топалъ ногами, наконецъ спросилъ: есть ли у меня какія-нибудь казенныя деньги?.. Когда я отвѣтилъ, что нѣтъ никакихъ, то онъ обратился къ адъютанту и сказалъ: «Ну, что вы прикажете дѣлать!.. Ступайте съ нимъ и какъ-нибудь распорядитесь». Все это время я стоялъ, что называется, ни живой, ни мертвый, и такого страху послѣ не испытывалъ, бывши даже подъ пулями и ядрами. Замѣтилъ я однакожь, что дамы смотрѣли на меня съ состраданіемъ. Впослѣдствіи я убѣдился, что не такъ бы поступили наши генералы Кутайсовъ и Костенецкій. Можетъ-быть они и погоняли бы, но навѣрное спросили бы: «Бѣлъ ли ты?» и пригласили бы

къ завтраку, тѣмъ болѣе, что это было на святой педѣлѣ. Да и то надо прибавить, что я не слишкомъ былъ и виноватъ. Передвиженія тогда дѣлались не гласно и ничего нѣтъ мудренаго что я не могъ о томъ развѣдать.

Съ адъютантомъ пришелъ я въ канцелярію. Онъ спросилъ меня, потребовалъ кое-какихъ бумагъ и потомъ сказалъ: «Не удивляйтесь, что генералъ такъ поступилъ съ вами. Вы видите, какая теперь во всемъ суматоха; отправить васъ не такъ-то легко; нужно вытребовать деньги изъ интенданства, что такъ же довольно трудно; между тѣмъ навѣдывайтесь въ канцелярію». Адъютантъ былъ очень богатый молодой человѣкъ и любилъ играть въ карты. Не только въ частныхъ домахъ, но и въ трактирныхъ, и въ офицерскихъ собраніяхъ онъ игралъ по цѣлымъ ночамъ. У него былъ собственный человѣкъ, почтенной наружности, который одѣвался какъ какой-нибудь баринъ. Часто этотъ человѣкъ, въ родѣ дядьки, у котораго хранились и деньги, увѣщевалъ его и представлялъ несообразность такого пристрастія. «Счастіе ваше», говорилъ онъ своему барину, «что вы всегда проигрываете и что игра небольшая: все это не составляетъ для васъ большого разсчета; но подумайте, что еслибы вы обыграли какого-нибудь бѣдняка-офицера?.. Гдѣ была бы ваша совѣсть?»

Была святая педѣля; денегъ у меня оставалось нѣсколько мѣдныхъ рублей, а на нихъ долженъ былъ я жить и въ Луцкѣ и въ дорогѣ, ѣсть самъ и кормить солдата, а все вообще чрезвычайно вздорожало. Хотя мое положеніе тогда было и весьма печальное, но теперь, испытавши многое, удивляюсь, какъ я былъ тогда неопытенъ и слабъ, что не могъ выдержать и, возвратившись на квартиру, упалъ на что-то въ родѣ кровати и заплакалъ.

Адъютантъ правду сказалъ, что не легко было меня отправить. Былъ я нѣсколько разъ съ нимъ въ интенданствѣ и

у самого генералъ-интенданта Лапскаго. Пока вытребовали деньги и наняли извозниковъ, прошло дней пять. О прогонахъ для себя я уже не хлопоталъ. Радъ былъ, что вырвался изъ Луцка и съ извозниками шелъ пѣшкомъ до самаго мѣста расположенія роты около Волковыска. Къ тому же погода сдѣлалась прекрасная и дорога поправилась.

ГЛАВА II.

Квартиры около Волковыска, Лиды, Опшмянъ и движеніе до лагеря при Дриссѣ.

Рота наша была расположена тѣсно, въ плохой деревнѣ, кажется, верстахъ въ двадцати отъ Волковыска. Кромѣ прежнихъ офицеровъ, прибылъ еще къ намъ штабсъ-капитанъ, переведенный въ нашу роту изъ Молдавской арміи, и прикомандированы изъ 18-й бригады поручикъ и подпоручикъ. Всѣ они были очень хорошіе товарищи, особенно штабсъ-капитанъ — прекрасный и честный человѣкъ. Бригаднымъ командиромъ у насъ назначенъ былъ командиръ другой роты, и адъютантъ отошелъ къ нему: слѣдовательно, въ нашей ротѣ состояли, кромѣ ротнаго командира, штабсъ-капитанъ, два поручика и четыре подпоручика, или лучше сказать — три, потому что англичанина мы не считали своимъ... Штабсъ-капитанъ былъ человѣкъ, можно сказать, богатый и получалъ изъ дому порядочныя средства; прочіе же почти всѣ были недостаточные, и хотя крайне нуждались во всемъ, но все-таки какъ-нибудь перебивались. Англичанинъ же во время моей командировки всѣ свои вещи пораспродавъ евреямъ за безцѣнокъ, все промоталъ и дошелъ до крайности. Въ добавокъ, дорогой потерялъ шинель и остался почти безъ сапогъ, такъ что ротный командиръ принужденъ былъ его обмундировать.

За провіантомъ я ѣздилъ нѣсколько разъ въ Волковыскъ,

на покупку же фуража отпускали деньги. Такъ какъ цѣны на фуражъ были высокія, то ротные командиры имѣли большую выгоду. Деньги на покупку фуража развозили коммиссіонеры. Коммиссіонеръ пріѣзжалъ въ богатой коляскѣ и обыкновенно останавливался у бригаднаго командира. Туда посылали за деньгами изъ другихъ ротъ офицеровъ. Ѣздилъ получать деньги обыкновенно я и, по приказанію ротнаго командира, изъ слѣдуемой суммы отдавалъ десятый процентъ коммиссіонеру, что дѣлали вообще всѣ. Однажды я спросилъ у своего командира: за что же отдаютъ коммиссіонерамъ столько денегъ? «А для того», сказалъ онъ, «чтобъ они хлопотали и намъ не было остановки за деньгами». Дѣла эти—давно минувшихъ дней и о нихъ теперь можно говорить: никто и ни съ кого не взыщеть. Можно однакожь судить, какія всѣмъ командирамъ ротъ и коммиссіонерамъ были выгоды. Офицеры же вообще жили чрезвычайно бѣдно, особенно пѣхотные. Не рѣдкость было встрѣтить офицера съ протертыми локтями у мундира и заплатами на колѣняхъ у панталонъ. Зная всеобщую бѣдность, позволено было шить мундиры изъ солдатскаго сукна и носить темляки, шарфы и экишнеты на киверахъ питяные. Мы, артиллеристы, еще кое-какъ перебивались, а пѣхотные офицеры большею частію ѣли изъ одного котла съ солдатами.

Пріѣзжалъ смотрѣть нашу роту артиллерійскій генералъ, однакожь, не Костенецкій, который назначенъ къ намъ на походъ въ Полоцкъ. Особенное вниманіе обращалъ онъ на исправность артиллеріи, конской упряжи и чтобы сухари и крупа были въ полномъ количествѣ въ полуфуркахъ.

Все предвѣщало скорую и тяжелую войну. Слышно было, что французы приближаются къ нашимъ границамъ, но положительнаго никто ничего не зналъ. За всѣмъ тѣмъ готовились къ продолжительному походу и придумывали средства, какъ бы лучше устроиться. Велѣно было имѣть экипажи ге-